

Чжу Цинчэнь решил задержаться в деревне семьи Лу на несколько дней. И дело было вовсе не в том, что он не хотел возвращаться к своему ложу из холодного нефрита или пристрастился к жареному мясу — его прежде всего беспокоило, что заклинатели ордена Сюаньтянь могут вернуться и снова начать донимать жителей.

Когда миновал полдень и яростное солнце немного смягчилось, старики уселись в густой тени деревьев. Их натруженные пальцы ловко переплетали полоски сушеного бамбука, превращая их в корзины для трав, а вокруг с веселым криком носилась детвора. Молодежь, укрывшись под широкими полями соломенных шляп, трудилась на полях; то тут, то там среди зеленых всходов слышались их переливистые голоса и смех.

Лу Наньсин, пренебрегши полуденным отдыхом, быстро управился с делами и теперь прилежно занимался под началом Чжу Цинчэня. Он сидел под раскидистым деревом, погруженный в медитацию, стараясь прочувствовать ток духовной энергии, о котором говорил наставник.

Прежде он пытался практиковать по книгам, но те описания были либо слишком скуными, либо попросту неверными. Теперь же, под личным руководством мастера, не прошло и часа, как юноша ощутил невероятную ясность: духовные потоки в его теле заструились мощно и беспрепятственно.

Чжу Цинчэнь устроился неподалеку. Одной рукой он записывал методы совершенствования, которые передавала ему Система, а другой то и дело поглядывал на ученика, следя, чтобы тот не сбился с верного пути.

В оригинальной истории авторы постоянно твердили о «посредственности» Лу Наньсина, и в то же время упоминали, что даже с редчайшими артефактами многие заклинатели не могли сформировать ядро и к пятидесяти годам. Но Наньсин под воздействием внешних сил сумел сделать это всего за три месяца.

«Поразительное противоречие»

Цинчэнь был уверен: Лу Наньсин обладал исключительным талантом, который в книге намеренно принижали, внушая это всем вокруг, включая самого юношу.

Закончив с записями, Чжу Цинчэнь набросал еще и руководство по фехтованию. Как раз в этот момент Лу Наньсин завершил свой первый малый цикл, шумно выдохнул и медленно открыл глаза.

— Ну, как ощущения? — поинтересовался наставник.

Лу Наньсин с изумлением воззрился на свои ладони:

— Учитель, я чувствую в теле необычайную легкость.

— Это добрый знак, считай, что ты переступил порог, — заметил Цинчэнь. — Твои прежние методы были в корне неверны. Поразительно, как при таких ошибках ты умудрялся приводить в действие массивы силой мысли. У тебя редкий дар.

— Что мне делать дальше?

— Сперва заложим прочный фундамент, не спеши хвататься за всё сразу, — Чжу Цинчэнь передал ему исписанные листы. — Практикуй строго по тому, что здесь написано. Не ленись, а если что-то покажется неясным — спрашивай.

«Конечно, я и сам могу не знать ответа, но у меня всегда есть у кого уточнить, — добавил он про себя. — Я могу спросить Систему»

— Слушаюсь! — Лу Наньсин с благоговением принял рукопись и принялся перелистывать страницы. — Здесь и приемы меча...

— Тебе стоит освоить несколько направлений: и талисманы, и фехтование. Со временем пойдем, к чему у тебя больше лежит душа, — Цинчэнь кивнул и взмахнул рукой, отломив ровную ветку с дальней ивы. — Пока я сделаю тебе деревянный меч. Потренируешься с ним.

— Благодарю, наставник!

Юноша тут же принялся прилежно повторять движения, описанные в руководстве. Цинчэнь засучил рукава и маленьким ножом принялся очищать ветку от коры. Настоящаяковка меча — процесс долгий, требующий редких материалов, а сейчас он не мог оставить деревню надолго, так что деревянный клинок был лучшим решением.

Внезапно Чжу Цинчэнь произнес:

— Тебе нужно как можно скорее сформировать золотое ядро и накопить духовную силу.

— Да, — решительно кивнул Лу Наньсин. — Я не подведу вас, учитель.

— Это нужно не только тебе, но и всей деревне семьи Лу. Староста и другие почтенные люди уже поговаривают о переселении.

Жители деревни были простыми людьми, но в них жил дух свободы. Оскорбленные отношением ордена Сюаньтянь, они не желали больше оставаться под их боком и терпеть унижения.

— Когда ты наберешься сил, — продолжил Чжу Цинчэнь, — ты сможешь начертать великий массив перемещения и перенести всю деревню целиком. Тогда людям не придется бросать обжитые места и свои дома.

Глаза юноши вспыхнули:

— Я понял! Я буду стараться изо всех сил!

— Хороший настрой.

Спустя полчаса Цинчэнь закончил строгать деревянный меч, тщательно зашлифовал все неровности и протянул его ученику:

— Опробуй.

Лу Наньсин взял оружие и, сверяясь с мечным канонам мастера, встал в начальную стойку. Солнечные блики, просеиваясь сквозь листву, рассыпались по его плечам золотистыми искрами. Одетый в простую холщовую одежду с перетянутыми тканью рукавами, он двигался еще не слишком уверенно, но с предельной сосредоточенностью. Каждое его движение рассекало воздух со свистом, а легкий ветерок перелистывал страницы канона.

«Вот оно, истинное совершенствование»

***

Лу Наньсин проявил невероятное рвение. В первую же ночь после обряда посвящения он был так возбужден, что не смог сомкнуть глаз и до рассвета упражнялся с мечом во дворе. Жители, разбуженные стуком ставней от порывов создаваемого им ветра, в конце концов выгнали его спать. Но юноша не утомился — он ушел подальше в лес и продолжил тренировку при свете луны.

Чжу Цинчэнь и Система наблюдали за ним из окна.

— Главный герой весьма трудолюбив, — сентиментально заметил синий огонек.

Цинчэнь кивнул:

— Это так.

— А ты, как наставник, не хочешь присоединиться к нему?

Чжу Цинчэнь внезапно широко зевнул:

— Ужасно клонит в сон... Постой, я ведь заклинатель, разве бессмертные могут хотеть спать?

Система поперхнулась:

— Истинные заклинатели не знают усталости, это всё твои игры разума.

— Вот как? Видимо, моя натура «болезненного красавца» неизменна в любом мире, — Чжу Цинчэнь направился к кровати.

— Ой, не надо ля-ля! Ты только что уплел целую тарелку жареного мяса с соусом из кислых слив. Какой из тебя «болезненный красавец»? Ты просто человек, притом весьма прожорливый. Где тут «болезнь», а где «красота»?

— Если бы я не был болен, разве бы я умер в том мире?

— Резонно. Ну а красота?

— Красота в том, что я красиво об этом мечтаю.

— ...

Против такой логики Система была бессильна.

Жители деревни семьи Лу оказались людьми широкой души. Узнав, что Сяньцзунь останется у них, они выделили ему самую светлую комнату, окна которой выходили на солнечную сторону, и еще днем заботливо просушили его постель. Одеяла и подушки теперь так и дышали теплом.

Чжу Цинчэнь забрался в постель, уютно закутался и с наслаждением вдохнул аромат прогретой солнцем ткани. Система, подлетев к свече, привычно задула пламя своим электронным полем.

Цинчэнь откинулся на подушку, его волосы рассыпались по ней белоснежным веером. Внезапно он что-то вспомнил и резко приподнялся:

— Погоди-ка!

Синий шарик обернулся:

— Что еще?

— У меня к тебе серьезный разговор! — Чжу Цинчэнь сел в постели, перебросив длинные пряди на грудь. — Мы еще не свели счеты.

— О чем ты?

— Почему мои волосы белые?!

— Ты ничего не смыслишь в стиле! — важно заявила Система. — В романах про заклинателей все великие мастера — «беловолосые красавцы». И не только волосы, твои ресницы тоже белые. Была бы у тебя растительность на руках — она бы тоже была белоснежной. Это последний писк моды, я старалась специально для тебя!

— Какая еще мода? Я выгляжу одновременно и старым, и малым.

— Разве ты не мечтал о длинных волосах? Вот я и исполнила твоё желание.

— Я хотел длинные ЧЕРНЫЕ волосы, а не белые!

— Нельзя получить всё и сразу, умерь свои аппетиты.

Чжу Цинчэнь с досадой дернул себя за прядь и невольно поморщился от боли.

«Раньше я выдергивал седые волоски у бабушки, а теперь сам весь седой, — пробормотал он тихо. — Если бы они меня увидели, им бы сердце разорвало. А Ли Юэ, если увидит, точно со смеху помрет»

Система, услышав его ворчание, не удержалась:

— Ну, технически ты теперь старше своего бабушки!

— ...

«Что за чертов юмор? Я старше собственного деда»

Чжу Цинчэнь отбросил волосы и спросил:

— Кстати, что там люди говорили днем... сколько мне лет?

Система уверенно выдала:

— Двести пятьдесят! Не волнуйся, я знаю правила жанра: герою может быть пять лет, пятнадцать или пятьсот, но ни в коем случае не пятьдесят!

Чжу Цинчэнь высунул голову из-под одеяла и пристально посмотрел на нее:

— Повтори-ка еще раз, сколько именно ты мне приписала?

Система замялась:

— Ну... пять... половина от пятисот...

И тут же стремительно отлетела подальше:

— Двести пятьдесят! Ну и дуралей ты, маленький глупыш!

Чжу Цинчэнь пулей сорвался с кровати и, призвав меч, бросился за Системой, нанося удары в пустоту.

— Половина от пятисот?! Я сейчас тебя распилю пополам!

— Носитель, я виновата, простите!

В лесу Лу Наньсин, заведя мелькающий в окне свет и тени, преисполнился еще большего почтения.

«Наставник достиг таких высот, но даже ночью не прекращает изнурительных тренировок!»

Это придало ему новых сил, и он еще яростнее заработал деревянным мечом. В торговле он мог торговаться до последнего гроша, но в делах совершенствования — никогда.

***

Прошло несколько дней, и успехи Лу Наньсина стали очевидны.

Однажды ранним утром он совершал свою обычную разминку в лесу. Внезапно над его головой пронеслось несколько мощных импульсов духовной энергии. Наньсин вскинул голову и увидел заклинателей ордена Сюаньтянь, спускавшихся с гор на мечах.

Почуввав недоброе, он быстро закончил упражнение и бросился к наставнику. Чжу Цинчэнь в это время завтракал со старейшинами: на столе дымились миски со сладким соевым молоком и свежее испеченные лепешки.

— Учитель! — вскричал Лу Наньсин, вбегая в дом. От неожиданности Цинчэнь выронил кусок лепешки, и тот с громким «плюх» угодил прямо в миску.

Цинчэнь вздохнул и потянулся за ложкой. С тех пор как он велел ученику делиться всеми новостями, Наньсин стал сообщать ему абсолютно обо всём. Сбилась ли дыханием во время медитации, ушел ли он на работу или вернулся — каждое действие сопровождалось громким: «Учитель, я здесь!». Теперь Чжу Цинчэнь знал о деревне всё: даже сколько поросят принесла вчера свинья в соседнем дворе.

— Что стряслось? Откуда такая спешка? — спросил он, вылавливая размокшую лепешку.

— Сюаньтянь! Они здесь!

— Хм? — Цинчэнь отложил ложку и взглянул в окно.

Действительно, стоило Наньсину договорить, как у входа в деревню выстроилась внушительная процессия. В этот раз людей было гораздо больше. В центре стоял глава ордена Сюаньтянь — степенный мужчина средних лет, по бокам от него — Сюй Фантин и Шэнь Минчжу. За их спинами теснились многочисленные ученики и слуги.

Все были облачены в парадные одежды ордена, в руках держали подношения, а за процессией следовали торжественные знамена. Выглядело всё это весьма помпезно. Лу Наньсин крепче сжал деревянный меч. В следующую секунду глава ордена и все его последователи низко склонились в поклоне.

— Глава ордена Сюаньтянь вместе с учениками прибыл, дабы выразить почтение Юйцин Сяньцзуню и просить прощения.

Чжу Цинчэнь на мгновение замер, затем молча поднял миску и допил сладкое молоко.

«Смотри, — обратился он к Системе, — в оригинале Сюй Фантину потребовался месяц, чтобы оправиться и восстановить истину. А сегодня он уже крепко стоит на ногах»

Это лишь подтверждало догадку Цинчэня: в книге Сюй Фантин намеренно медлил. Он хотел, чтобы Лу Наньсин вдоволь настрадался, чтобы потом явиться в образе спасителя и привязать

юношу к себе чувством вечной благодарности, заставив его добровольно отдать и золотое ядро, и саму жизнь. Этот человек был расчетлив и коварен, и ни капли не походил на того «благородного Старшего брата», каким его описывали.

Система возразила:

— Твои выводы идут вразрез с тем, что написано в книге.

— И что же там написано?

— Там сказано, что Сюй Фантин — великий мечник, чье сердце принадлежит лишь Пути и благу людей. Он забрал ядро Лу Наньсина, потому что был обманут Шэнь Минчжу, а убил жену, потому что поддался давлению старейшин.

— ...И что дальше?

— А дальше, по логике книги, ему достаточно вырвать ядро у Шэнь Минчжу и вернуть его Наньсину, вырезать весь свой орден, извиниться — и всё, он снова чист перед законом.

Что за чушь? Неужели Шэнь Минчжу силой водил его рукой, когда тот резал плоть? Или глава ордена держал его за плечи, заставляя убивать? Если Минчжу и орден замараны грязью, то и Сюй Фантин далеко не безгрешен. Как можно смыть всё это одной фразой о «благе людей»?

— Это излюбленный прием авторов в таких историях: создать злодея-разлучника, на которого можно свалить все грехи «героя», — пояснила Система. — В финале, когда герой картинно наказывает подстрекателя, он чудесным образом превращается в «идеального возлюбленного». Но похоже, логика книги была столь шаткой, что у персонажа проявились скрытые черты характера. Будь осторожен.

«Уж куда уж шатче», — усмехнулся Чжу Цинчэнь.

Снаружи донесся зычный голос главы ордена:

— Мои люди проявили неучтивость к Сяньцзуню несколько дней назад. Узнав о случившемся, я был крайне встревожен и сурово наказал виновных. Я прибыл лично, дабы искупить вину перед вами.

Цинчэнь не спешил с ответом. Он не спеша допил молоко, вытер губы платком и только тогда медленно поднялся. Лу Наньсин последовал за ним.

Сюй Фантин стоял рядом с Шэнь Минчжу; из-за ран лицо его всё еще сохраняло бледность. При виде вышедшего Лу Наньсина его глаза внезапно вспыхнули. Всего несколько дней назад

тот был едва ли не слабейшим из практиков, а сейчас он казался совершенно иным: тело его излучало легкость, а потоки духовной энергии вокруг него были столь плотными, что казалось, он вот-вот сформирует золотое ядро.

«Неужели он — скрытый гений?» — мелькнуло в голове Фантина. Хотя нет, скорее дело в наставнике. Видимо, Юйцин Сяньцзунь способен превратить даже самого безнадежного тупицу в совершенного мастера. При этой мысли взгляд Сюй Фантина, устремленный на Чжу Цинчэня, стал еще более жадным.

Цинчэнь, не подавая виду, подошел к гостям. Глава ордена Сюаньтянь, мужчина с благообразной сединой и видом добродушного старца, отвесил поклон:

— Приветствую Сяньцзуня.

Чжу Цинчэнь едва заметно кивнул:

— По какому делу?

Глава ордена повел рукой. Второй старейшина и группа учеников, одетые в простые нижние одежды, вышли вперед. Сбросив всякую защиту, они опустились перед Чжу Цинчэнем на колени.

— Просим Сяньцзуня о милосердии.

Цинчэнь нахмурился и отступил на шаг, не принимая их поклона. Его взгляд, устремленный на главу, был полон недоумения. «Что это еще за представление?»

Глава ордена с той же кроткой улыбкой произнес:

— Они не признали в вас великого мастера и оскорбили вас и вашего ученика. Я уже подверг их наказанию, и теперь они здесь, чтобы молить о прощении.

— Я уже говорил, — холодно ответил Чжу Цинчэнь, — то дело закрыто. Больше не тревожьте нас.

— Это дело величайшей важности, наши сердца не знают покоя из-за совершенного проступка, — настаивал глава.

Чжу Цинчэнь не верил ни единому его слову. Они пришли извиняться не потому, что осознали несправедливость к Лу Наньсину, а из-за статуса самого Цинчэня. И все эти поклоны, дары и напускное смирение они позже попытаются стократно компенсировать за его счет. Поэтому Цинчэнь демонстративно отступил в сторону.

— Довольно извинений. Забирайте свои подношения и уходите.

Но глава ордена не сдавался:

— У меня есть еще одна просьба к вам, Сяньцзунь.

Цинчэнь промолчал, лишь слегка прикрыв глаза. «Ну конечно, вот и истинная цель». Покаяние закончилось, начались торги.

Глава ордена подтолкнул к Чжу Цинчэню Сюй Фантина и Шэнь Минчжу:

— Эти двое — мои лучшие, но и самые беспокойные ученики. То, что Сяньцзунь покинул затвор именно сейчас — великая удача для них...

Он не успел договорить. Лу Наньсин, стоявший за спиной наставника, внезапно всё понял. Его глаза расширились от возмущения. «Он хочет навязать их моему учителю?!» Его всего затрясло от негодования — он сам едва стал учеником, а эти люди уже лезут со своими претензиями. У них уже есть учитель, так зачем им посягать на его мастера?

Лу Наньсин мгновенно оцетинился, как рассерженный щенок; он буравил главу и его свиту яростным взглядом, готовый в любой момент броситься на защиту своего места подле наставника. Цинчэнь, почувствовав этот боевой пыл, успокаивающе коснулся его руки.

— Я только недавно взял ученика и всё время посвящаю его наставлению, — отрезал Чжу Цинчэнь. — У меня нет возможности брать кого-то еще. К тому же, они уже ваши ученики. С моей стороны было бы бесчестьем переманивать их, это лишь очернит мое имя.

Сюй Фантин сформировал ядро в пятнадцать, но с тех пор его развитие зашло в тупик. Шэнь Минчжу и вовсе был уцербен от рождения — его жизнь поддерживало лишь ядро, искусственно склеенное из редких снадобий. Оба они жаждали наставничества Юйцин Сяньцзуня, надеясь на рывок в силе. Услышав отказ, оба поникли, но тут же склонились в глубоком поклоне:

— Молим Сяньцзуня о наставлении!

Чжу Цинчэнь уже открыл рот, чтобы повторить отказ, но глава ордена перебил его:

— Сяньцзунь слишком долго пробыл в затворе и может не знать многого о делах подлунного мира. Позвольте мне сказать пару слов наедине, и вы перемените решение.

— Нет нужды, — бесстрастно отозвался Цинчэнь. — Здесь нет чужих, говорите прямо.

Он не желал впускать их в дом, чтобы не осквернять обитель жителей деревни семьи Лу.

— Что ж... — Глава велел остальным ученикам отойти, оставив лишь Сюй Фантина и Шэнь Минчжу.

Чжу Цинчэнь жестом показал жителям, что всё в порядке. Те послушно разошлись, но далеко не ушли — вооружившись своими косами и мотыгами, они замерли неподалеку, готовые в любой миг прийти на помощь наставнику и Наньсину.

Глава ордена подошел ближе и приглушил голос:

— Сяньцзунь, возможно, вам неизвестно, что двадцать лет назад печать Демонической бездны начала ослабевать. Я и главы других великих орденов вопрошали Небеса, и знамение указало на Сюй Фантина.

Цинчэнь мельком взглянул на Сюй Фантина. Глава, воодушевленный вниманием, продолжил:

— Он должен достичь вознесения до двадцати лет, дабы запечатать Бездну. Но он еще слишком юн, и его рост замедлился. Только ваша помощь может спасти ситуацию. Кроме того, мой младший ученик Минчжу слаб здоровьем и не может самостоятельно завершить формирование ядра. Фантин дорожит им, они были неразлучны с детства, и его сердце не будет спокойно, пока его друг в опасности. Молим вас, проявите милосердие и возьмите их обоих.

Глава сделал эффектную паузу и добавил с пафосом:

— Сделайте это ради блага всех живущих! Иначе печать рухнет, и мир людей захлебнется в крови. Если вы согласитесь обучать их, я готов отойти на второй план.

Красивые слова, но за ними скрывалось желание переложить все заботы на плечи Цинчэня. Он должен был не только обучить Сюй Фантина, но и исцелить Шэнь Минчжу. В оригинальной истории они довели Лу Наньсина до полного забвения, а теперь, когда тот ускользнул, их взор пал на Чжу Цинчэня. Сменилась лишь жертва.

Лу Наньсин с тревогой смотрел на наставника. Он всем сердцем не хотел делиться вниманием мастера, но слова главы звучали столь грозно...

Глава ордена замер в ожидании, уверенный в своей победе. Кто осмелится отказать, когда на кону стоит судьба человечества? Чжу Цинчэнь сложил руки в рукава и холодно обронил:

— И это всё? Вы из-за этого так суетились?

Глава опешил, его глаза округлились:

— Сяньцзунь, речь идет о спасении мира! Как вы можете быть столь безучастны?

— Перестаньте прикрываться «благом людей», — отрезал Цинчэнь. — Я ни на грош не верю во все эти сказки о «небожителе-спасителе». Двести лет назад все мастера мира заклинателей объединили силы, чтобы запечатать Демонического бога в Демонической бездне. И я не верю, что спустя два века судьба мира может зависеть от одного-единственного юнца с сомнительной душой. А если Небеса и впрямь указали на него, значит, они ослепли, и пришло время сменить и сами Небеса!

Глава и его ученики застыли, словно громом пораженные. С тех пор как Сюй Фантина объявила «спасителем», все ордена заискивали перед ними, поднося лучшие дары и преклоняя колени. Орден Сюаньтянь взлетел на вершину лишь благодаря этому пророчеству. И вот теперь какой-то затворник смеет говорить с ними в таком тоне!

Чжу Цинчэнь смотрел на них с невозмутимым спокойствием. Он не просто дерзил — он действительно так считал. Все эти пророчества были лишь «сюжетной броней», подаренной Сюй Фантину автором. Истинное Дао никогда бы не доверило судьбу мира тому, кто готов на подлость. Тем более тому, чье вознесение должно было быть оплачено кровью близкого человека.

Чжу Цинчэнь внезапно спросил:

— Двести лет назад сотни заклинателей запечатали демона, и та печать должна была стоять веками. Отчего же она вдруг начала слабеть? Вы знаете истинную причину?

Лицо главы ордена на миг изменилось, но он быстро взял себя в руки.

— Простите нашу неосведомленность, Сяньцзунь. Видимо, мощь Демонического бога столь велика, что он день и ночь бьется о преграду, и вот...

Но он всё еще не хотел отступать:

— Так вы действительно не поможете?..

— Нет, — твердо ответил Чжу Цинчэнь. — О печати я позабочусь сам, но Сюй Фантин мне для этого не нужен.

Он скользнул взглядом по Фантину, и тот невольно поежился.

— Можете и дальше носить его на руках, если вам так угодно, — добавил Цинчэнь. — Но не

ищите обходных путей. Только истинный труд ведет к цели. Больше не приходите.

Глава и его спутники были вынуждены откланяться. Цинчэнь, не оборачиваясь, увел Лу Наньсина в деревню. Когда они скрылись из виду, Шэнь Минчжу вспыхнул от негодования:

— Учитель, это неслыханное оскорбление! Как он смел называть нас бесчестными!

Глава ордена холодно оборвал его:

— Замолчи! Он еще может нас слышать.

Сюй Фантин, густо покраснев, потянул друга за рукав:

— Минчжу, довольно.

Орден Сюаньтянь позорно ретировался, унося с собой свои не востребовавшие дары и уязвленную гордость.

Лу Наньсин шел за мастером, терзаемый сомнениями.

— Наставник, а что если... — начал он робко.

Цинчэнь остановился и посмотрел на него с мягкой уверенностью:

— Не бойся. Ничего не случится.

Затем он спросил:

— Скажи, знаешь ли ты, что значат слова: «Небо и Земля лишены человеколюбия и относятся ко всему существу как к соломенным псам»?

— Хм... — Лу Наньсин задумался. — Значит ли это, что Небо видит во всех нас лишь маленьких собачек?

Чжу Цинчэнь негромко рассмеялся:

— Нет. Это значит, что Небо и Земля беспристрастны и ко всем относятся одинаково. Я не верю, что кто-то рождается «спасителем», которому все обязаны поклоняться. И не верю, что кто-то рождается ничтожеством, призванным служить лишь ступенью для чужого величия, — серьезно произнес Цинчэнь. — В каком-то смысле, перед лицом мироздания ты действительно

равен маленькому щенку.

Лу Наньсин растерянно моргнул:

— Учитель?..

— Но с другой стороны, это также значит, что и ты можешь стать одним из тех, кто спасет этот мир.

Он не был «сосудом для золотого ядра» и не был «женой», обреченной на заклятие. Ему не нужно было ждать милости Сюй Фантина или его запоздалых извинений. Двести лет назад демона запечатали совместными усилиями множества людей, и в будущем Лу Наньсин вполне может стать одним из них — равным среди равных.

<http://bllate.org/book/15820/1438921>